

Валерия МАРИЧЕВА

ЖЕНА ГЕРОЯ

Рахима Дарibaева — жена Героя Социалистического Труда Альтынбека Дарibaева.

В 1944 году восемнадцатилетний Дарibaев, первый казах-стальщик, самостоятельно спарил плаху на Казахском металлургическом заводе. С тех пор о нем много раз писали газеты и журналы. Дарibaеву посыпал стихи и поэмы Танр Жариков, Иван Шухов расказал о нем в документальной повести «Темиртау».

В Темиртау Дарibaева не оказалось — уехал в отпуск. Когда вернется? «Спросите у его жены, — посоветовали в горкоме партии. — Она же у вас в Алма-Ате, аспирантка политехнического».

В ХОЛОДНОЙ комнате тихого общежития Рахима печатали на машинке. Возде ее стоял чумодан. На железной скамье лежала постель, стянутая ремнями.

— Сегодня буду куда-то переселиться, — сказала Рахима. — Тут начнется ремонт. Вы меня извините, и я должна закинуть спальню, чтобы потом не сбитьсь. Это даст минуту.

На стенах комнаты одиночно висел этюд: стель, настенная панно, солнце. Дарibaеву надпись: «А. К. от В. С.». Три года назад Рахима нашла этот этюд за шкафом в своей первой аспирантской «обитали».

Вечером Рахима звонила в Темиртау, разговаривала с дочкой, аспирантницей Жибек-Женой, временно исполняющей обязанности хозяина дома.

— Мама! Я, как всегда, козел отпущения! — кричала Женя. — Мы выбрали председателя совета отряда, и теперь все учителя с мени требуют, ругают. Я каждый день плачу.

— А ты не плачь, — посоветовала Рахима. — Если есть свободное время, лучше помыть посуду.

— У меня чисто! — бодро заверила Женя. — Вот увидишь.

Когда мы с Рахимой приехали в Темиртау, она дала для дела горячую уборку. Женя самотверженно помогала. Выяснилось, что она любит всякую работу, если в хороме компании. Одной скучно.

В большой, похожей на обитый квартире Дарibaевых, и подумала, нам трудно Рахиме каждый раз после «побывки» отрываться от семьи.

— В тридцать лет я начала жить так, как другие живут в семнадцать — отлинилась на мон мысли Рахима. — Видно, такая судьба.

Ей было деплайнировать, когда она стала женой Альтынбека Дарibaева. Рахима работала на Карагандинском машиностроительном заводе в котельном цехе, была секретарем комитета комсомола, учились в вечерней школе. Альтынбек Дарibaев, который старше Рахимы на восемь лет, тоже учился. Сидел за партой, робел перед классной доской...

За свою любовь он боролся решительно, «по-сталински». Пашел парнико, с которым встречалась Рахима, и сказал ему: «Знаешь ли, после которых соперники в бой уже не вступают? А когда Рахима была завоевана, женщины преодолели ее квартире в новом доме, большую зарплату и радостную готовность купать ее в лучах своей славы.

Семейная жизнь началась с того, что Альтынбек уговорил Рахиму уволиться из котельного цеха. «Это неразумно, — доказывала он. — Ты там, я тут. Я найду тебе подходящую работу на моем заводе». Рахима согласилась. Полгода она была домохойкой: убирала свою квартиру, осваивала тайны кулинарии, угощала корреспондентов, металлургов. На торжественные вечера, на акции Альтынбек ходил вместе с женой. Когда-то они сидели рядом в президиуме, теперь поднимались в президиум, ехали в первом ряду. Мужчины говорили ей комплименты: похорощела, расцвела. Женщины завидовали...

Рахима не дождалась, когда муж найдет ей «подходящую» работу. Срочно трబовалась заведующий складом сырья Фельдштейн приучил нас думать, что склад — это «теплое место». На Казахском же металлургическом комбинате склад сырья — это центральный цех железодорожного пути стекло. С платформ сгружают на обочину сырье — компоненты для плавки. Обязанность заведующего складом точно знать, сколько чего на «обочине».

Это было «холодное место», еще хуже холодное! Но Рахима радиовала. В шестнадцать лет, она оставила школу, пошла работать, потому что надо было помочь отцу-пенсионеру поставить на ноги младших братьев. А в двадцать вырвалась на работу из дистанции, домашнего уюта, потому что без рабочего места на производстве, без своего места в общественной жизни она чувствовала себя где-то между небом и землей.

А потом мартеновскому цеху комбината сразу потребовалась крановщики, и Рахима с радостью пошла учиться на вечерние курсы без отрыва от своего склада. Две годы она новичок пятидневного мостового крана подавала пыхты к мартеновским печаам.

Альтынбек Дарibaев варя стал. Даже в те дни, когда плавки вела «кузня» бригада, Альтынбек сердцем кажется, что слова «выходит боком», что Альтынбек «заносит». Она считает, что слова с восемнадцати лет, даже сама заслуженная — грустят непослышанием. Есть женщины, которые, что бы ни случилось, беззаботно, не раздумывают, берут сторону мужа. Рахима их не осуждает, но самой ей так нельзя. Сама она все инциденты, все стычки Альтынбека с кем бы то ни было разбирает, «как на партитуре собравших».

Рахима научилась слушать плахи своего мужа, научилась почти спокойно брать в руки его рабочую робу, сплюснутые простирающиеся искры. Она приспособилась жить рядом с громкой словой мужа, но яростно встает на дыбы, когда ей кажется, что слова «выходит боком», что Альтынбек «заносит». Она считает, что слова с восемнадцати лет, даже сама заслуженная — грустят непослышанием. Есть женщины, которые, что бы ни случилось, беззаботно, не раздумывают, берут сторону мужа. Рахима их не осуждает, но самой ей так нельзя. Сама она все инциденты, все стычки Альтынбека с кем бы то ни было разбирает, «как на партитуре собравших».

Рахима нравилось работать на иране. Она гордилась, чувствует, как слышится ее эта пятнадцатитонная машина. Она гордилась тем, что работает в горячем цехе вместе с мужем. И по добре воле, поняла, она же...

Но ей приказали. Экономист мартеновского цеха Лидия Андреевна Васильева три года не была в отпуске — некем заменить. «Да посадите почту хоть Дарibaеву! — взмолилась Васильева. — Она десять классов закончила!». И Рахима перевезла в плановый отпуск. На месяц. А проработала она в нем не месяц, не год, а несколько лет. И поступила, работая в институте народного хозяйства, и кончила его заочно, и получила диплом, и пошла в аспирантуру — так захватила ее всемогущая сила и логика экономического анализа. И тему для своей кандидатской диссертации она тоже нашла в своем мартеновском цехе, где прорабатывала трикотажные листы: «Путешествие эффективности капиталовложений в черную металлургию Казахстана».

Альтынбек был категорически против аспирантуры. Отец Рахимы тоже. Добрые люди не советовали Рахиме спешно доверять мунику, оставлять его одного. Добрые люди искали Альтынбека: она тебя бросит, покончишь наше слово!

Рахима взяла с собой десятилетнюю дочьну и уехала в

Алма-Ату, в общежитие Казахского политехнического института.

Несколько проще все получается в кино. Взять тот же фильм «Я звезды стать». По замыслу автора сценария Т. Жусупова, в этой документальной киноленте пять эпизодов из жизни Альтынбека Дарibaева: обыкновенная работа смена, вручение переходящего Красного знамени, обсуждение условий соревнования с бригадой заворонки Егора Проскурнина, «плакза дружбы» на заводе «Запорожсталь». Дарibaев в кругу семьи.

Последний эпизод скорее всего был предназначен для того, чтобы «утеплить» образ героя, вызвать к нему неподрественную симпатию. Ведь до сих пор многие убеждены в том, что общественное значение имеют лишь коллизии в сфере труда, в сфере производственных отношений. Но уже в процессе съемок выяснилось, что в самом узком семействе кругу можно сделать наблюдения, имеющие большой социальный смысл. Чтобы снять традиционный минутный эпизод, кинематографистам пришлось долго подкараулывать, когда Рахима на нескользкую дверь появится в Темиртау.

Необходимость своего приезда домой Рахима обычно определяет «по звуку». Она научилась по телефону слушать настроение Альтынбека, как он слушает маргансовую печь. Если есть отклонение от нормы, значит, надо все бросать и лететь к музу самолетом. Герой труда — все-таки только мужчина, которого надо беरечь.

Работая над диссертацией, Рахима входила в рабочее прошлое своего мужа, в рабочее прошлое своего города. Здесь все создано человеческими руками: не только жилые кварталы, заводские корпуса, но и озеро, которое сегодня воспринимается как естественное. Почти тридцать лет назад, когда шла Великая Отечественная война, под руководством опытных специалистов ДнепроГэсса в громадной прибрежной селии Нуры был прорублен канал. Переключенная бетонной плитой хлынула в степь, затопила 75 квадратных километров.

Впереди еще не существовавшего металлургического завода поступало оборудование прокатного и маркетинговых цехов, засыпанное с демонтированных заводов Украины, разрозненное, некомплектное. В архивах Рахима наткнулась на такую деталь: в первом маркетинговом цехе, где температура приближалась к ста градусам выше плюса, вместо металлических ферм временно, по величине военной нужды, были поставлены деревянные. И в этом цехе начиняла работать Альтынбек, восемнадцатилетний парнишка, чабанов из Шульдерского района Южно-Казахстанской области, прошедший восемнадцатичасовой курс обучения на Ровдинском металлургическом заводе у русского мастера Алексея Михайловича Решетникова.

29 февраля 1972 года городская газета «Темиртауский рабочий» сообщила, что бригада Героя Социалистического Труда Альтынбека открыла счет четвертому миллиарду тонн казахстанской конвертерной стали. Альтынбек поднялся еще на одну ступень — овладел профессией конвертерщика.

15 марта на Карагандинском металлургическом комбинате Альтынбек Дарibaев и запорожец Егор Проскурин дали рекордную плавку стали в честь 50-летия образования Союза ССР и Казахской ССР.

14 марта с бунтом белых хризантем Рахима выпустила из Алма-Аты в Караганду прымым рейсом. Самолет сел в Балхаше — буран. В аэропорту неожиданная встреча: делегаты из Магнитогорска, заместитель министра черной металлургии ССР А. П. Лихорадов, корреспонденты центральных газет — никто не успел пробыть в Темиртау. После бурана пятьдесят километров стали непреодолимым препятствием.

На большой перемещении Женя позвонила в конвертерный цех «Передайте, пожалуйста, папе, что я его поздравляю с «пластикой драмы». Кто-то из начальной смены ответил, что плавка не началась, стальвары еще не добрались до цеха — расчищают дорогу.

Рахима, конечно, опоздала на торжественную плавку. Она попала домой и вечеру на вездекод — с «пластикой» из кухни. Надо было принять многочисленных гостей, приведенных чествовать ее мужа и запорожского стальвара Егора Проскурину. В тот вечер она была и стальваром, и «дорогой хозяйкой».

В тот вечер, когда она была дома у Дарibaевых, счастливая Женя нальлась на шашу то и матери, то и отцу — это ведь самая родность, когда она оба дома, когда вся семья в соборе «Мамочка, не уезжай», — шептала Женя Рахиме на кухне. Ее нельзя было утешать детскими словами. Ей сказали: «Ты же гордишься своей мамой?» — «Да! Очень!»

По слухам, на следующий день Рахима не успела пройти в Темиртау, они вместе занялись в художественную самодеятельность. «Ой! Мама все умеет! — сказала она черными очками — Не уезжай Женя, в почи та легендарной Кызыл-Жене!»

На кухне Рахима была в новом доме, большую зарплату и радостную готовность купать ее в лучах своей славы.

Семейная жизнь началась с того, что Альтынбек уговорил Рахиму уволиться из котельного цеха. «Это неразумно, — доказывала он. — Ты там, я тут. Я найду тебе подходящую работу на моем заводе». Рахима согласилась. Полгода она была домохойкой: убирала свою квартиру, осваивала тайны кулинарии, угощала корреспондентов, металлургов. На торжественные вечера, на акции Альтынбек ходил вместе с женой. Когда-то они сидели рядом в президиуме, теперь поднимались в президиум, ехали в первом ряду. Мужчины говорили ей комплименты: похорощела, расцвела. Женщины завидовали...

Рахима не дождалась, когда муж найдет ей «подходящую» работу. Срочно трబовалась заведующий складом сырья Фельдштейн приучил нас думать, что склад — это «теплое место». На Казахском же металлургическом комбинате склад сырья — это центральный цех железодорожного пути стекло. С платформ сгружают на обочину сырье — компоненты для плавки. Обязанность заведующего складом точно знать, сколько чего на «обочине».

Это было «холодное место», еще хуже холодное! Но Рахима радиовала. В шестнадцать лет, она оставила школу, пошла работать, потому что надо было помочь отцу-пенсионеру поставить на ноги младших братьев. А в двадцать вырвалась на работу из дистанции, домашнего уюта, потому что без рабочего места на производстве, без своего места в общественной жизни она чувствовала себя где-то между небом и землей.

А потом мартеновскому цеху комбината сразу потребовалась крановщики, и Рахима с радостью пошла учиться на вечерние курсы без отрыва от своего склада. Две годы она новичок пятидневного мостового крана подавала пыхты к мартеновским печаам.

Альтынбек Дарibaев варя стал. Даже в те дни, когда плавки вела «кузня» бригада, Альтынбек сердцем кажется, что слова «выходит боком», что Альтынбек «заносит». Она считает, что слова с восемнадцати лет, даже сама заслуженная — грустят непослышанием. Есть женщины, которые, что бы ни случилось, беззаботно, не раздумывают, берут сторону мужа. Рахима их не осуждает, но самой ей так нельзя. Сама она все инциденты, все стычки Альтынбека с кем бы то ни было разбирает, «как на партитуре собравших».

Рахима нравилось работать на иране. Она гордилась, чувствует, как слышится ее эта пятнадцатитонная машина. Она гордилась тем, что работает в горячем цехе вместе с мужем. И по добре воле, поняла, она же...

Но ей приказали. Экономист мартеновского цеха Лидия Андреевна Васильева три года не была в отпуске — некем заменить. «Да посадите почту хоть Дарibaеву! — взмолилась Васильева. — Она десять классов закончила!». И Рахима перевезла в плановый отпуск. На месяц. А проработала она в нем не месяц, не год, а несколько лет. И поступила, работая в институте народного хозяйства, и кончила его заочно, и получила диплом, и пошла в аспирантуру — так захватила ее всемогущая сила и логика экономического анализа. И тему для своей кандидатской диссертации она тоже нашла в своем мартеновском цехе, где прорабатывала трикотажные листы: «Путешествие эффективности капиталовложений в черную металлургию Казахстана».

Альтынбек был категорически против аспирантуры. Отец Рахимы тоже. Добрые люди не советовали Рахиме спешно доверять мунику, оставлять его одного. Добрые люди искали Альтынбека: она тебя бросит, покончишь наше слово!

Рахима взяла с собой десятилетнюю дочьну и уехала в

Алма-Ату, в общежитие Казахского политехнического института. Несколько проще все получается в кино. Взять тот же фильм «Я звезды стать». По замыслу автора сценария Т. Жусупова, в этой документальной киноленте пять эпизодов из жизни Альтынбека Дарibaева: обыкновенная работа смена, вручение переходящего Красного знамени, обсуждение условий соревнования с бригадой заворонки Егора Проскурнина, «плакза дружбы» на заводе «Запорожсталь». Дарibaev в кругу семьи.

Последний эпизод скорее всего был предназначен для того, чтобы «утеплить» образ героя, вызвать к нему неподрественную симпатию. Ведь до сих пор многие убеждены в том, что общественное значение имеют лишь коллизии в сфере труда, в сфере производственных отношений. Но уже в процессе съемок выяснилось, что в самом узком семействе кругу можно сделать наблюдения, имеющие большой социальный смысл. Чтобы снять традиционный минутный эпизод, кинематографистам пришлось долго подкараулывать, когда Рахима на нескользкую дверь появится в Темиртау.

Последний раз московским публикам встретились с посланцами республик, выступили

Японская гравюра

В Москве, в отделе гравюры и рисунка Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открыта выставка «Японская гравюра XVIII века из собрания музея».

Эта книга-альбом, выпущенная издательством «Планета» к 50-летию образования СССР, Москва, 1972 г.

Эта книга-альбом, выпущенная издательством «Планета» к 50-летию образования СССР, Москва, 1972 г.

Эта книга-альбом, выпущенная издательством «Планета» к 50-летию образования

